

УДК 130.2+929Франк

НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЮНОШЕСКОГО ДНЕВНИКА С.Л. ФРАНКА (по материалам новонайденных рукописей)

Н.В. Новикова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: novikovanv@mail.ru

В статье предпринята попытка рассмотрения того, как русская философская лирика, обильно цитируемая на страницах новонайденного дневника С.Л. Франка, отражает «историю души» молодого философа, раскрывает сокровенные глубины «духовной жизни» его автора.

Ключевые слова: С.Л. Франк, дневник, философская лирика, А.С. Пушкин («Элегия» 1830), А.С. Хомяков, А.К. Толстой.

Moral and Ethic Ideas in S.L. Frank's Juvenile Diary (after the Newly Found Manuscripts)

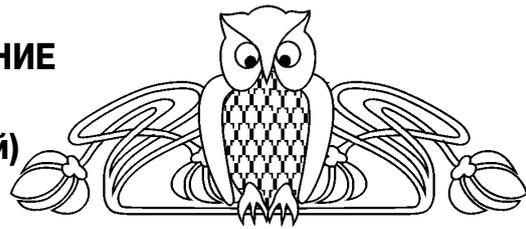
N.V. Novikova

The article tries to view the way Russian philosophical lyric poetry broadly cited on the pages of newly found S.L. Frank's diary reflects the young philosopher's "soul history" and reveals secret profoundness of the author's "inner life".

Key words: S.L. Frank, diary, philosophical lyric poetry, A.S. Pushkin ("Elegy" 1830), A.S. Khomyakov, A.K. Tolstoy.

«Душа человека» – так С.Л. Франк назвал свой трактат, над которым работал в годы Первой мировой войны, «когда русскому обществу <...> казалось бы – не до науки вообще, а тем более не до отвлеченных философских размышлений». И тем не менее в предисловии к отдельному изданию книги, которой суждено было выйти в свет в пору «тяжелого кризиса», «тягчайших» для России испытаний, автор писал о праве философа на веру в то, что «своей независимой мыслью он посылно содействует духовному и общественному возрождению своей родины»¹. Единственным путем к выходу из драматически сложившихся исторических обстоятельств он видел «повышение духовного уровня нашей культуры, углубление плоскости обсуждения всех жизненных вопросов, преодоление всяческого невежества, варварства и одичания»². Своей книгой С.Л. Франк призывал к сбережению культуры в бурную эпоху, беспощадную к духовно-нравственным, этическим и художественным ценностям. Этот призыв, обращенный к соотечественникам в июле 1917 г., – на все времена.

«Стихия душевной жизни»³, ставшая предметом специального исследования, только на первый взгляд не отвечающего «моменту», занимала С.Л. Франка задолго до создания «Души человека», ей он оставался верен до конца дней. Книга вобрала в себя раздумья философа за бо-

лее чем пятнадцатилетний срок. Сейчас можно с уверенностью сказать, что коренная для него тема зазвучала и начала оформляться еще на дальних подступах к итоговому труду – в юношеском дневнике.

Первая дневниковая запись сделана С.Л. Франком в Ялте 31 декабря 1901 г., за две недели до его двадцатипятилетия⁴. Профессор Е.П. Никитина, восстанавливая ход атрибутирования обнаруженного ею «Дневника неизвестного»⁵, ссылается на франковскую статью исповедального характера «Предсмертное. Воспоминания и мысли». Знаменитый философ написал ее в 1935 г., свет она увидела в Париже в 1986 г., а спустя десять лет стала доступна для отечественного читателя. В ней действительно содержится «абсолютное подтверждение» тех «данных», которые обозначены автором в самом начале дневника, и, что принципиально важно, дается точная самооценка его внутреннего состояния той поры: «В Ялте, в эту зиму 1901–1902 года, которую я, окончив университет, провел в уединении с моей матерью и младшим братом Львом, без всякой деятельности, даже без научной работы, предаваясь только размышлению и созерцанию, – впервые проснулась и стала актуальной моя духовная жизнь»⁶. В «Предсмертном» С.Л. Франк отзывается и о причинах, приведших его к «пробуждению духовной жизни»: это «углубляющее значение страдания» от неудачного романа и потрясение от знакомства с книгой Ницше «Так говорил Заратустра»⁷. Таким образом, новообретенный юношеский дневник предстает бесценным «документом, основополагающим для восстановления процесса формирования личности С.Л. Франка»⁸. Не претендуя на максимально полное раскрытие того, как «Дневник» отражает глубинную «историю души» его автора в переломный для него период, коснемся такой стороны этого уникального «документа», которую нельзя не заметить, – щедрого цитирования молодым искателем истины и красоты русского и немецкого (в оригинале!) поэтического слова. Страницы дневника заполнены строками, строфами, целыми стихотворениями А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Бестужева-Марлинского, А. Хомякова, Н. Огарева, А.К. Толстого, Н. Некрасова, С. Надсона, И.В. Гете, Г. Гейне, Ф. Шиллера. Впечатляют уже сам подбор имен, способность овладеть таким богатством и совершенно свободно распоряжаться им, каждый раз извлекая созвучное себе. Остановимся только на трех из наиболее любимых молодым философом поэтов.

С.Л. Франк предпосылает своему дневнику эпиграф – на отдельную страницу вынесены строки из пушкинской «Элегии» 1830 г.: «Мой путь уныл; сулит мне труд и горе / Грядущего волнуемое море. / Но не хочу, о други, умирать: / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!» (с. 31). В дневниковом самоанализе С.Л. Франка становятся стержневыми пушкинская поэтическая идея противостояния грозящей гибели, внутренняя потребность в собирании духовных сил для жизни, которая не мыслится полной без творческих раздумий и сердечного отклика. Автором дневника востребована философская формула, которая в поэзии Пушкина приобрела достоинство вечной истины⁹. Ему, «одинокому безгранично» молодому человеку, у которого «живая душа болит и властно напоминает о себе», опора на нравственно-философский опыт великого художника оказалась крайне необходима. Он болезненно ощущает «предначертанную судьбою» настоящее, пытается заглянуть в будущее и доверяет дневнику «мысли für sich», «не укладывающиеся в рамки науки». С.Л. Франк эти мысли естественным для себя образом «осердечивает»: они «не передумываются только», их «приходится переживать и перестрадать» (с. 32). По Пушкину, без страдания как способности откликаться на беды людские не может быть художника. В дневнике ищущего смысл жизни философа этот лейтмотив обретает сугубо индивидуальный, личностный оттенок. «Отдаться своим страданиям», как понимает С.Л. Франк, следует «для того, чтобы этими страданиями очищаться и научиться истине. Это – великое дело, единственное вообще великое дело на земле». Вслед за этим автор дневника вновь приводит эпиграфическую цитату из пушкинской «Элегии». От интимно-частного он переходит к общефилософскому, максималистски-идеальному: «Когда люди станут лучше, когда подлый проклятый материальный вопрос сойдет со сцены, люди будут искать не счастья, а страданий – чистых и глубоких страданий, – видя в них смысл жизни – духовное очищение и просветление, и будут предпочитать пошлым радостям чистые страдания. Для меня лично цель жизни была бы оправдана, если бы моя воля, мои силы смогли бы удержать меня всегда в кругу *таких* страданий. “Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!”» (с. 33). (Курсив автора. – Н.Н.).

На первых же страницах дневника благодаря обращению к Пушкину «программно» формулируется подвижническая нравственно-аскетическая задача: «Крепко держать в руках, в моральной узде, нити моего “я” и, стиснувши зубы, наперекор стихиям стоять на своем посту мысли и страдания». Для С.Л. Франка начала 1902 г. это «тяжелое, трудно достигаемое, трудно сохраняемое, редкое счастье» (с. 33–34), мечта об исцелении от «нелепых, тяжелых, нечеловеческих страданий», «тупых, тяжелых, омрачающих», которые доставляла ему она. Но именно в этих

горьких страданиях непонятой души, по ощущению С.Л. Франка, он «познал себя». Пушкинская «Элегия» его не отпускает, он приводит ее уже не фрагментарно, а целиком, предварив характерным признанием: «Есть мысли, особенно выраженные в стихах, которые мне хочется не только читать, не только помнить, а впитать в себя так, чтобы они и я – стали одно и то же, и мне досадно, что такое слияние невозможно, что остаются как будто они – сами по себе, а я – сам по себе». С.Л. Франк «внутренними очами» разглядел близость своих настроений пушкинской философии и воспринял ее поэтическое выражение как наиболее адекватное своему состоянию души, причем отнюдь не сиюминутному: «С таким чувством я только и могу прожить свою жизнь» (с. 35).

Самоощущение глубинного родства чувств молодого философа и зрелого поэта совершенно отчетливо предстает в записи от 4 января, предваряющей цитату из «Воспоминания» (1828): «Еще одно дивное стихотворение Пушкина, которое так ясно и глубоко изображает мои собственные муки, что мне кажется, что я сам написал его» (с. 43). Автору дневника ведомы «часы томительного бденья», «когда для смертного умолкнет шумный день»; и у него «в уме, подавленном тоской, / Теснится тяжких дум избыток». Наконец, по-пушкински он готов признаться: «... с отвращением читаю жизнь мою, / Я трепещу и проклиную, / И горько жалуюсь, и горько слезы лью, / Но строк печальных не смываю». С.Л. Франку близки и нарастающий драматизм, и напряжение мысли лирической исповеди Пушкина, которая в тот момент явилась безотрадным итогом всей жизни поэта. Он так же подвергает себя беспощадному суду и не ищет для себя спасительных самооправданий, с горечью отвергая прошлое, с горечью же его принимает; обретая тягостный опыт, готовится к мужественному продолжению жизненного пути¹⁰.

10 января С.Л. Франк переписывает целиком два стихотворения А.С. Хомякова – «По поводу картины Иванова» (1858)¹¹ и «Элегию» (1835). Их обрамляют весьма важные для философа размышления нравственно-этического плана, «как их выражает Ницше, любовь к дальнему и любовь к ближнему» (с. 46). На русской почве они, отправные в его понимании «общественных учений у нас в России», – «любовь к народу и любовь к высшим формам жизни». Речь идет о «борьбе двух начал» – славянофильства и западничества. Автор дневника признается, что «любовь к призракам» для него «выше любви к людям», что «первая <...> активный нравственный импульс» его жизни. По мысли С.Л. Франка, переживавшего тогда «сдвиг идей от социализма, марксизма к идеализму», и «Россия не раньше возродится, чем проникнется этим нравственным импульсом»¹², т.е. стремлением к «возрождению общекультурных интересов», «любовью к высшим, более разумным и благородным формам

жизни <...> вне зависимости от их значения для блага народа, материального благосостояния ближнего etc» (с. 47).

Таким образом, поэтические строки А. Хомякова появляются в контексте нескрываемых симпатий С.Л. Франка к философскому направлению 1840-х гг., готовому было «вылиться в этику любви к дальнему» (с. 49). Он не мог не знать, что именно в то время А. Хомяков начал усиленно пропагандировать славянофильские идеи¹³, т.е. был по другую сторону от «западника» Белинского, о «прямой нравственной натуре» которого, о ненависти его «ко всему народническому» (с. 47) С.Л. Франк отзывается с восхищением. Для него такого А. Хомякова словно не существует. Он видит в нем прежде всего талантливого, одухотворенно мыслящего молодого человека, своего ровесника в пору вхождения того в кружок университетской молодежи, тяготевшей к немецкой идеалистической философии. Он ценит и, скорее всего, давно, *поэта* А. Хомякова в период его «любомудрия». Смысл жизни, по С.Л. Франку, – «разум и этический идеал» (с. 36). Красноречивое предварение к стихам А. Хомякова – «Только бы силы!» (с. 48) – свидетельствует о затаенной жажде «бодрости и сил для борьбы» (с. 34) за утверждение этого идеала. Для философа эти стихи – часть души, голос его сердца и сознания¹⁴. По всей видимости, С.Л. Франка привлекает в них культ мысли, метафорически переданный впечатляющей картиной красоты и торжества природы, ее неистребимой силы в мирозданческом пространстве и во времени. Мощная тяга лирического героя А. Хомякова к постижению тайн бытия воссоздается в пантеистическом ключе, во внутреннем единстве природного и духовного, что тоже созвучно «пантеистическому чувству» автора дневника.

Явно соотнесение с собственным состоянием души и в обращении С.Л. Франка к хомяковской «Элегии». Он пронзительно чувствует – на фоне гармоничного вечернего пейзажа, дремлющего «дольного мира» – тревогу alter ego поэта, его сомнения в своих силах и тягостное одиночество, беззащитность перед «суетой земной» («Мне страшно вспоминать житейскую борьбу, / И грустно быть одним, и сердце сердце просит, / И голос трепетный то ропщет на судьбу, / То имена любви невольно произносит...»). Он дорожит желанной переменой: «в час утренний» пробуждается оптимистическая вера в себя («Я снова бодр и свеж»), открывшийся после «сумрака» «ясный мир небес» помогает бросить «смелый взгляд» «на смутный быт людей», без страха посмотреть в лицо жизни. Автор дневника передоверяет поэту высказаться об избранничестве: «В ответ грозам судьбы» – «радует меня мое уединенье. / Готовая к борьбе и крепкая, как сталь, / Душа бежит любви...». Думается, что как наиболее близкие своему настрою С.Л. Франк расценивает финал «Элегии»: в нем «одинокая» душа, «любя свои страданья, / Питает

гордую безгласную печаль» (с. 49). Следующее за этим восклицание – «Чудесно!» – как нельзя лучше свидетельствует о том, что философ, который мечтает посвятить жизнь самозабвенному служению идеалу, находит в стихотворении столь насыщенное для себя побуждение к твердости и непреклонности, возвышению в страдании, подвижническому строю чувств, особому посвящению. Очевидно, что С.Л. Франк прибегает к лирическим раздумьям А. Хомякова, наполняя их собственным содержанием. Он далеко не случайно апеллирует к хомяковским поэтическим признаниям – в них вдохновенное воссоздание его собственных поисков и обретений. Чужие слово, образ и течение мысли, в целом поэтическая философия отзываются в его интеллектуально-творческом чувстве и «срастаются» с ним. Стихи А. Хомякова оказываются в кульминационной точке дневника как лирическая квинтэссенция высоких убеждений С.Л. Франка той поры, как наиболее адекватный способ «сказаться душой».

Буквально на следующий день – 11 января – страницы дневника компактно заполняются поэтическими строками А.К. Толстого. 13-го января, приостанавливаясь, С.Л. Франк замечает: «Только и остается, что выписывать стихотворения Толстого. Продолжаю»¹⁵ (с. 51). Известный поэт тоже близок автору дневника не в силу его приверженности к русской старине, а как чистый лирик, говорящий не «на ежедневном языке», умеющий передать идеальные порывы духа, максимально отвечающий духовным запросам молодого философа. В поэзии А.К. Толстого он опять-таки сосредотачивается на «святых убеждениях», в которых пульсирует мысль («мысли пыл в душевной тишине»). По-прежнему притягательной для него остается «глагола творческая сила», акцентируются мотивы стойкости, укрепления духовных сил («кто в самом себе уверен, / Того хулы не потрясут»), обреченности на непонимание «толпой» и, тем не менее, внутренней свободы («Пред тем, что чисто и светло, / Дерзает он, благоговея, / Склонить свободное чело»), неистребимой готовности выходить «на прежнюю дорогу» и драматических коллизий этого «пути» («Я вышел в поле без кольчуги / И гибну, раненный в бою!»). Особое место занимает в дневниковой подборке толстовское ощущение любви, «крылья» которой способны «вознести» «в отчизну пламени и Слова», и пантеистической силы, способной соединить мир («И ничего в природе нет, / Что бы любовью ни дышало») и увлечь его к всепообеждающей гармонии («В одну любовь мы все сольемся вскоре»). С нравственно-этическим абсолютом, который предвосхищает поэт, перекликается франковская идея любви к дальнему. Субъективно-личностный подход С.Л. Франка к творческим откровениям поэтов-классиков наглядно подтверждает органичность его юношеских притязаний на то, что «жизнь душевная законна, и не только законна, но она есть высшая

цель всего, ибо и наука, и вера, и общественная жизнь – все это для царства и жизни духа» (с. 33).

Примечания

- ¹ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Предисловие // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Мн.; М., 2000. С. 635–636.
- ² Там же. С. 636.
- ³ Так называется первая из двух частей означенного обширного труда.
- ⁴ С.Л. Франк. Дневник. Публикация Е.П. Никитиной. Подготовка текста: Ю.Н. Борисов, А.А. Гапоненков. Комментарии А.А. Гапоненкова (при участии Е.В. Кузьменковой и Н.В. Новиковой). Перевод с немецкого Е.В. Власовой // С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. Саратов, 2006. С. 31–111. Цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.
- ⁵ Никитина Е.П. История одной «Тетради» (о судьбе рукописей С.Л. Франка) // С.Л. Франк. Саратовский текст... С. 16–30.
- ⁶ Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли // С.Л. Франк. Русское мировоззрение / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. СПб., 1998. С. 47. Ниже он скажет о той зиме с еще большим значением – как о времени, когда «фундамент» его «духовного бытия был заложен или открылся <...> сознательно».
- ⁷ Там же. С. 54. С.Л. Франк неоднократно возвращался к мысли о том, что этот «духовный переворот» открыл ему «реальность духовной жизни» и «в душе <...> начало складываться некое “героическое” мирозерцание, определенное верой в абсолютные ценности духа и в необходимость борьбы за них» (См.: Франк С.Л. Непрочитанное...: статьи, письма, воспоминания / Сост. и предисл. А.А. Гапоненкова, Ю.П. Сенокосова. М., 2001. С. 411–412).
- ⁸ Никитина Е.П. Указ. соч. С. 28.
- ⁹ Новикова Н.В. «Я понять тебя хочу, смысла я в тебе ищу...» // «Поэзии чудесный гений». Лирика А.С. Пушкина / Под ред. Е.П. Никитиной, Ю.Н. Борисова. Саратов, 1999. С. 86–87.
- ¹⁰ Новикова Н.В. Указ. соч. С. 84–86.

- ¹¹ Стихотворение включено в статью А. Хомякова «Картина Иванова. Письмо к редактору» (Русская беседа. 1858. № 3. С. 20), в которой полотно А.А. Иванова (1806–1858) «Явление Христа народу» трактуется как одно из высших достижений религиозной живописи. Счастлива мысль, которой не светила И ранними, и поздними дождями Людской молвы приветная весна! Вспоенная, внезапно к небесам Безвременно рядиться не спешила Она взойдет, как ночь, темна ветвями, В листы и цвет ее младая сила, Как ночь в звездах, осыпана цветами: Но корнем вглубь врывалась она. Краса земле и будущим векам (с. 48)
- ¹² Франк С.Л. Русское мировоззрение / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. СПб., 1998.
- ¹³ См. его статью «О старом и новом» (1839), стихотворение «Отчизна» (1839), статью «О возможности русской художественной школы» (1847), в которой автор указал как причины «отрицательного» отношения к действительности отрыв от народной почвы, преклонение перед Западной Европой, выступал против «чистого искусства».
- ¹⁴ «О если б я был поэтом, лириком, если б были на моем языке слова, достойные моих чувств, – сколько скорби, сколько ужаса, сколько душевных содроганий, мучительных усилий, кровавых слез запечатлели бы эти страницы!..» (с. 40) – восклицает С.Л. Франк, жалея, что его слово не обладает сгущенной образностью, богатством оттенков для передачи всей гаммы переживаний.
- ¹⁵ Стихи выписаны в такой последовательности: «Пусть тот, чья честь не без укора...» (1859), «И начатую песню Гаральд не скончал» (из стих. «Гаральд Свенгольм», 1877), «Задачи той старинной разрешенье...» (из стих. «Земля цвела. В лугу, весной одетом...», 1875), «Я вас узнал, святые убежденья...» (1858), «Горними тихо летела душа небесами...» (1858), «В совести искал я долго обвиненья...» (1858), «Господь, меня готовя к бою...» (1857), «Меня, во мраке и пыли...» (1851), «Слеза дрожит в твоём ревнивном взоре...» (1858), из них семь стихотворений – полностью.

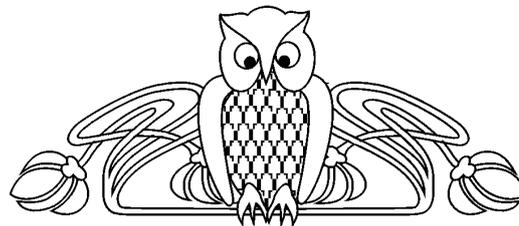
УДК 821.161.1.09-31+929 [Гоголь+Наполеон]

РОССИЯ И НАПОЛЕОН В ПОЭМЕ ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

В.В. Беляев

Бывший преподаватель филологического факультета Саратовского государственного университета, филолог, переводчик, пенсионер
E-mail: vvbelyaev@bk.ru

Принадлежность «Мертвых душ» к жанру эпической (античной и средневековой) поэмы о войнах и скитаниях (в том числе по загробному миру) есть изначальная авторская установка, и не только «Похождения Чичикова», но и военная тематика в разных

ее аспектах есть имманентная составляющая текста. Чичиков – носитель чуждого, нерусского менталитета, вторгающийся в российские реалии, и в силу этого параллель между Чичиковым и Наполеоном последовательно проводится через весь текст поэмы.

Ключевые слова: Гоголь, Наполеон, эпос, война, загробный мир, Россия, Украина.